

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Мартиросяна Георгия Эдуардовича на тему
«ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ АФРОФУТУРИЗМА
В АМЕРИКАНСКОМ И НИГЕРИЙСКОМ РОМАНЕ»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности: 5.9.2. – Литературы
народов мира (филологические науки) в диссертационный совет
72.2.007.10 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской
педагогический университет»**

Новизна и актуальность диссертационной работы Георгия Эдуардовича Мартиросяна несомненны. Прежде всего потому, что это первая российская диссертация на тему афрофутуризма. Впервые – во всяком случае в отечественной гуманитарной науке – проведено компаративное исследование, вписывающееся в современные историко-культурный, филологический и пост-колониальный научные нарративы. В рецензируемой диссертации афрофутуризм как особое направление черной фантастики получил детальное освещение – историческое, жанровое, этнокультурное и пр. Диссертанту удалось показать афрофутуризм в панафриканском и транстатлантическом ракурсах, что полностью вписывается в мировую культуральную моду. Кроме всего прочего данное исследование в некоторой степени дополняет такой фундаментальный и, казалось бы, исчерпывающий труд по черной литературе, как докторская диссертация и монографии О. Ю. Пановой, вовсе не упомянутые диссертантом.

Научная достоверность. Научно обоснованными являются отбор материала и доказательства, предъявленные в поддержку основных тезисов работы. Само по себе то, что Г. Э. Мартиросян не ограничился изучением лишь американского афрофутуризма, а сопоставил две его ветви – американскую и африканскую (нигерийский вариант), демонстрирует основательность и смелость. В диссертации последовательно доказывается, что эти две национальные версии самостоятельны по своим идейным и художественным установкам, что американские и нигерийские афрофутуристы по-разному осмысляют исторические травмы. Последнее, впрочем, несколько не удивительно. Странно было бы, если бы и в этом глобальный черный дискурс оказался единым. Интересно другое: мифология и пост-модерная технология также осмыслены и художественно усвоены в Северной Америке и Нигерии по-разному. Таким образом, мы имеем дело с двумя непохожими афрофутуризмами. Недаром они по-разному называются в соответствующих западных работах. Порой, читая

текст диссертации, хочется спросить, зачем понадобилось их объединять зонтичным термином. Не уверена в правильности такого решения.

В диссертационном исследовании подробно проанализировано то, как именно различаются и сближаются жанры, в которых творят афрофутуристы двух стран, как по-разному репрезентируется миф и фольклор, как художники работают с корпоральностью, с национальной памятью и межпоколенческими травмами. Объединяет афроамериканский и нигерийский варианты общая этико-психологическая задача: показать, как черное сознание проживает и преодолевает репрессивные системы и какие нарративы оказываются при этом наиболее рабочими. Вся диссертация повествует о том, что *black lives matter*.

Структура и содержание работы. Работа Г.Э. Мартиросяна состоит из 3-х глав, введения, заключения и весьма представительного библиографического списка, включающего 260 источников.

В *первой главе* диссертационного исследования «Афрофутуризм как явление в литературе США» автор разбирается с истоками культуры афрофутуризма, одержимого идеей деконструкции европоцентристской «большой истории», точнее, не самой истории, а ее метанарратива. На разных примерах Г.Э. Мартиросян доказывает адаптивность афрофутуристической эстетики, отличающейся от прочих культур и традиций фантастики, показывает ключевую роль женских персонажей (добавлю: и женских авторов) – роль гендерной оптики, определяет различные «больные пункты» двух национальных афрофутуризмов. Первый, американский, работает с памятью о рабстве, второй, нигерийский – с колониальной травмой и ужасами постколониальной истории.

Во *второй главе*, озаглавленной «Черная история и мифы в американском и нигерийском афрофутуристическом романе», сопоставлены «Подземная железная дорога» К. Уайтхеда и «Пэт» Эмези, а также «Барабаны Черного бога» Ф. Дж. Кларка и «Сын шторма» С. Окунгбовы. Общий вывод таков: американские писатели африканской диаспоры работают в жанре альтернативной истории и технической дистопии, а нигерийцы преодолевают собственную историческую травму через миф, парадоксальным образом превращенный в технологию будущего. Объединяет эти два извода стремление к построению мира... для черных.

Третья глава «Технологии и социум в афрофутуристических романах США и Нигерии» предлагает анализ еще двух пар романов: «Враждебности призраков» Р. Соломон и «Не откликайся на имя» У. Олискеве, а также «Испытаний кровью» Н. Дэйвенпорт и «Закаленной кровью» Э. Окосун. Обе

модели черной фантастики роднит понимание того, что сочетание техники с архаикой предопределяет новую черную субъектность и позволяет пере придумать структуру власти.

Афроамериканские авторы, как и их коллеги на исторической родине, хоть и сочиняют во многом противоположные художественные сюжеты и стратегии, но мотивированы одной общей задачей: борьбой за справедливо репрезентированное прошлое и свободное будущее своего народа. Но ценность диссертационного исследования обнаруживается вовсе не в этой пафосной самоочевидной максиме, а в собственно литературоведческом анализе, основанном на тщательном изучении источников и остроумном их прочтении с последующим сравнением.

Особенно удачным мне представляется интерпретация образов женских героинь, универсальных медиаторов в сюжетном и нарративном смыслах. Не менее впечатляющим оказался и конкретный анализ совместного функционирования мифа и технологии во всех текстах, каждый из которых бесспорно заслуживает самого внимательного изучения.

Практическая ценность результатов работы состоит в том, что они могут быть использованы при составлении программ специальных курсов по афроамериканской литературе.

Перейдем к **критическим замечаниям и связанным с ними вопросам.**

1. Диссертационный текст с изрядной периодичностью демонстрирует перегибы афроамериканских исследований (Afro-American Studies), глубоко политизированного направления в мировой литературной критике, актуализирующего все черты «культурного апартеида». И хотя очевидно, что афрофутуризм как таковой не может обойтись без оптики расы, он все же полностью отстраняется от того бесспорного факта, что сами африканцы и выступали продавцами рабов в Африке. Есть ли какие-то следы понимания этого болезненного и широко известного факта или он полностью вытеснен движением BLM (Black Lives Matter)? Налицо доминирующий антиисторизм. Было бы желательно прочитывать черную литературу, не поддаваясь чарам политизации и социологизации. Неужели нет надежды на научную ‘расовую десегрегацию’ американской (да и нигерийской) культуры?

2. Некоторые названия событий истории США вызывают недоумение. Например, что за «*Культурная революция*» произошла в 1970-е годы? Другой пример – «*Франко-индейская война*», которую в отечественной американистике принято называть Англо-французской, на худой конец, Франко-британской.

3. *Estrangement* переведено как «отчуждение». А между тем, именно термин «остранение», центральный в теории Sci Fi Дарко Сувина, заимствовано им у В. Шкловского, чего один из самых известных фантастоведов нашего времени никогда не скрывал.
4. На стр. 11 говорится: «*фигурирование ... тем расизма, контроля, травматической памяти, идентичности представляется не повторяющимся приемом, а ...*». А между тем, как известно из теории литературы, тема не может быть приемом.
5. Не ясно откуда и по какой причине возникло в тексте словосочетание «цифровая герменевтика», совершенно не уместное в анализе деталей сюжета. Что имел в виду диссертант, ведь *цифровая герменевтика* – это один из философских методов или инструментов осмысления в цифровой гуманитаристике (digital humanities)?
6. На стр. 121 сказано: «*технологии, будь то машины или природа, формируют идентичность черных персонажей и их сообществ*». Каким образом природа стала технологией? Полезно было бы дать определение «технологии».
7. На стр. 23 говорится (при этом цитируется Фишер и автор диссертации ничего против не имеет): «*жанр научной фантастики (а вместе с ним и его художественная темпоральность) окончательно потерял связь с дискурсами предсказаний и утопии*» [Fisher, 61]. Следует ли из данного тезиса вывод о том, что Sci Fi отмежевалась от футурологии и утопии, т.е. что утопии перестали быть научно-фантастическими, а научная-фантастика утратила прогностический компонент? В это трудно поверить.
8. Цитируя К. Эшуна, теоретика афрофутуризма, Г.Э. Мартиросян пишет, точнее, переводит: «*Будущее, которое изображает афрофутуризм, можно считать “виртуальным, досрочным, будущим условным”*» (с. 24). Это «условно-досрочное будущее» – типичный пример безудержного и безответственного словоблудия, характерного для пост-колониальных теоретиков.
9. На стр. 40 не критически цитируется чужой и неверный тезис: «*Когда в Канаде начало развиваться рабство, британский колониализм перешел к более производительной и конкурентоспособной фазе промышленности, и эксплуатация «наемного» труда представляла большие выгоды*». Нобелевский лауреат по экономике Роберт Фогель (совместно с Дугласом Нортом) доказал, что рабство, в частности в США, было экономически эффективной и прибыльной системой, а не устаревшим институтом, как считалось ранее. Таким образом, строить риторику по устаревшей марксистской модели экономических формаций в 2026 году странно и

архаично.

10. На стр. 59 обнаруживается такой монстр, как *«соцреалистический жанр»*. Неужели и Нигерию настиг соцреализм, да еще и в виде особого жанра?

11. В диссертации утверждается, что афрофутуристы вводят *«изгибающийся хронотоп, в котором периферийное значение Африки становится центральной проблемой»*. Хотелось бы выяснить, можно ли в принципе изогнуть хронотоп. И почему в связи с этой новой «геометрией Лобачевского» возникает такая проблема? Нелишне было бы разъяснить эту мысль.

Отдельный раздел моего отзыва, к сожалению, посвящен бесчисленным огрехам стиля, грамматики и орфографии русского языка. К ним относятся *«пересечение расового, социального и телесного подавления героинь»* (с. 5), *«взаимообменные» последствия* (С. 17), *«история, заключённая между различными институциональными силами»* (с. 18), *«гегемонии, жонглирующие понятием «прогресс» и западной традицией богословия, которая, встретившись с не-европеоидными расами, ориентировалась на легитимацию колониализма»* (с. 20), *«белая кожа постепенно начала утрачивать статус концептуальной нормы»* (с. 21), *«афроамериканские протагонисты из-за белого превосходства лишаются расовой идентичности»* (с. 22), *«алгоритмический расизм»* (С. 31), *«форфоровые нубийцы»* и *«веслоухие козы»* (с. 43), *«с нарратором приключилась смерть»* (с. 44), *«взаимосвязь между развитием в той или иной литературе жанра романа и националистических мобилизаций»* (с. 51), *«страна показала готовность к жанровому эксперименту»* (с. 61), *«Нигерия переживала военное управление, а после его падения весь континент настигла настоящая буря футурологических концепций»* (с. 65), *«перефокусировать вопрос с мужчин»* и *«в африканских обществах устаканились своеобразные, не похожие на европейские или американские механизмы»* (с. 69), *«афрофутуризм, зондирующий на вуманистической почве»* (с. 70), *«подпольная сеть побега»* (с. 78), *«Кларк намеренно вводит африканские духовные силы в контекст американского Юга»* (с. 88) *«подваленные мифы»* (с. 89), *«магическая желтокожая девушка, которая буквально регистрируется в сердце Дансо»* (с. 93), *«предметы в этом тексте несут культурный резонанс»* (с. 94), *«жанр фэнтези, требующий изложения оригинального сеттинга»* (с. 95), *«помещает художественных субъектов на космический корабль»* (с. 120), *«культурное амнезирование»* (с. 126), *«насиленно стерилизуют черных женских персонажей»* (с. 132),

«Астер ... наследует ее пыл сжечь все космическое судно, направив эмоции в конструктивное русло побега» (с. 141), «нигерийский афрофутуризм в лице романа» (с. 142), «роман сочетает эпический пафос с мелодраматическими интеграциями» (с. 148), «сцены насилия и крови выступают мистификацией власти» (с. 158). Все эти и другие примеры, увы, показывают, что текст диссертации не вычитан и не отредактирован.

Все вышеозначенные возражения и многочисленные претензии к языку все же не отменяют того факта, что диссертация Г.Э. Мартиросяна «Художественные установки афрофутуризма в американском и нигерийском романе» является законченным, актуальным и целостным исследованием и соответствует требованиям и критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, установленным пунктом 9 «Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции с изменениями и дополнениями). Автор диссертации Г. Э. Мартиросян заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки).

2 марта 2026 года

Доктор филологических наук, доцент, профессор филологического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра сопоставительного изучения языков и культур

Головачева Ирина Владимировна

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

; Тел.: +7 (812) 328–08–42

Эл. почта: i.golovacheva@spbu.ru ; igolovacheva@gmail.com

ПОДПИСЬ РУКИ

Головачевой И.В.

У ДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
М. С. ЗУБОВА

02.03.2026

